

3. Фашистские зверства и провал «восточной политики»

Не менее существенно, чем подчинение всего народнохозяйственного потенциала нуждам фронта и материальная помощь союзников, на коренное изменение обстановки летом 1943 г. в пользу СССР повлияло фашистское варварство на оккупированных территориях. Даже в тех регионах и республиках, которые в 30-е гг. жестоко пострадали от советского режима установленные нацистами порядки обескураживали и исключали малейшие поползновения к сотрудничеству с оккупантами. Чувство патриотизма, обостренное фашистскими зверствами и поддерживаемое воспоминаниями о действительно происходившем при советской власти улучшении материальных и культурных условий жизни, стало важнейшим фактором духовного единства советского народа, того общественного согласия, которое сыграло главную роль в борьбе за выживание СССР. Нет никаких сомнений в том, что в 1944 г. общественные механизмы функционировали гораздо более четко, чем в 1937 — 1938 гг.

Вторжение в СССР не было, по замыслу Гитлера, только военной операцией. Оно преследовало особые цели, четко определенные гитлеровским видением будущего Германии: уничтожив большевизм и разрушив Советское государство, завоевать на востоке жизненное пространство для немецких колонистов. Эти цели обосновывались убеждением Гитлера в специфически великорусской и еврейской природе большевизма — два определения, одинаково ненавистные фюреру. Извечный, по мнению Гитлера, конфликт между Германией и славянским миром делал Россию, независимо от ее политического строя, постоянным источником угрозы для немцев. Наконец, его убеждение в неполноценности славянской расы служило еще одним доводом за безвозвратное уничтожение в России любых форм политической организации. У рабов не бывает государства.

А.Розенберг, теоретик «восточной политики», с 17 июля 1941 г. возглавивший министерство по восточным делам, управлявшее оккупированными территориями на Востоке, вносил в эти рассуждения определенные нюансы. Прибалт по происхождению, он находил глубокие расовые и культурные различия между народами СССР и рассчитывал на их недовольство проводимой большевиками политикой интеграции наций в унитарное государство. Розенберг предлагал изолировать русских на их «исторической территории» в пределах Московии с помощью кордона нерусских наций (Украина, Прибалтика, Кавказ), разрешив последним государственные структуры, жестко контролируемые Германией. Наряду с точкой зрения Гитлера, отвергавшего любые уступки какому бы то ни было из народов СССР, и «селективной политикой» Розенберга в администрации и дипломатии существовала третья тенденция, в течение некоторого времени имевшая успех благодаря поддержке генерала Йодля. По мнению ее сторонников, следовало отделить советскую власть от народа и использовать против режима политическое и социальное недовольство граждан, и прежде всего крестьян. С этими тремя подходами к проблеме «восточных территорий» нацисты экспериментировали поочередно и самым бессвязным образом.

Первые месяцы войны, отмеченные стремительным продвижением германских армий, укрепили Гитлера в убеждении, что скорая победа делает излишними какие бы то ни было поиски поддержки населения. Сравнительно доброжелательное отношение, встреченное у населения первых завоеванных районов, которыми стали присоединенные к СССР в 1939 г. области Украины и Белоруссии, захват миллионов

растерявшихся в первых боях пленных, казалось, всецело подтверждали тезис, согласно которому Восток был населен недочеловеками, привыкшими подчиняться насилию со стороны победителя. Та же идея «освящала» фанатические акции по уничтожению евреев и коммунистов, осуществлявшиеся эсэсовцами и айнзацгруппами — специальными командами, созданными для этой цели в 1941 г. Еврейское население, особенно многочисленное в Белоруссии и некоторых районах Украины, методически уничтожалось в концентрационных лагерях или на месте (50 тыс. трупов были обнаружены во рвах Бабьего Яра под Киевом). Советские евреи составили одну из самых многочисленных (1050 тыс.) групп из 6 млн. евреев, уничтоженных фашистами в разных странах. Немедленного расстрела всех политработников требовал «декрет о комиссарах». Пленные коммунисты оказывались перед дилеммой: признаться в своей партийной принадлежности и быть сразу казненными или же скрыть ее, а затем держать ответ перед партией. Советские военнопленные (не менее 700 тыс. за первые три недели войны; более 2 млн. к концу 1941 г.; 5,75 млн. с начала войны до 1 мая 1944 г., согласно немецкой статистике) подвергались особенно жестокому обращению. Около 3,3 млн. из них погибли в результате массового истребления и голода в лагерях со значительно худшим режимом, чем для пленных из других стран.

Типология оккупированных территорий, утвержденная летом 1941 г., также отражала отказ Гитлера рассматривать любое решение проблемы, кроме «полной колонизации». Практиковались три формы административной организации захваченных районов СССР: присоединение к другим государствам (район Белостока в Западной Белоруссии был присоединен к Восточной Пруссии; Западная Украина — к «Польскому генерал-губернаторству»; «Трансистрия», между Днестром и Бугом, — к Румынии); гражданская администрация (Остланд — прибалтийские государства, Белоруссия — и Украина); военная администрация. Под властью последней находились все захваченные территории России, Крыма и Кавказа. В любом случае на все административные посты назначались представители оккупационных властей. В районах с гражданской администрацией прежние структуры управления были сохранены только в сельской местности на уровне деревни и уезда. Никакого расширения их прав не предусматривалось даже после окончания войны.

Провал «блицкрига», отодвинувший окончание войны на неопределенный срок, сделал необходимым внесение некоторых корректив в гитлеровскую политику «полной колонизации». Однако из-за жестокости оккупантов и реквизиционного характера проводившейся ими экономической политики сделанные уступки — очень ограниченные — не принесли желаемого эффекта. Весьма показательно в этой связи их отношение к произошедшим во многих местах после ухода советских властей захватам крестьянами колхозных земель и скота. Идея поощрения этого процесса разрушения колхозов показалась некоторым фашистским идеологам отвечающей их идее разрушения советского режима изнутри. 26 февраля 1942 г. германская администрация обнародовала аграрный закон, отменявший все советское законодательство в этой области и преобразовывавший колхозы в «коммуны» по типу традиционной общины. Естественно, немецкая администрация оставляла за собой право устанавливать объемы поставок, за выполнение которых коммуна несла коллективную ответственность. Применение этого закона в разных регионах не было одинаковым. Так, на Украине немцы воздержались даже от малейших попыток деколлективизации из страха дезорганизовать резкими переменами производство в этой богатейшей аграрной области страны. В Белоруссии, игравшей второстепенную роль в производстве сельскохозяйственной продукции, частная собственность была постепенно восстановлена. В оккупированных районах России изменения чаще всего ограничивались увеличением индивидуальных наделов при сохранении колхозных структур. В горных районах Кавказа, где преобладало скотоводство, немецкие власти сразу ввели частную собственность. Однако дифференцированное применение аграрных реформ не произвело на крестьянство ожидаемого эффекта. Его сдержанность объяснялась не только несомненным патриотизмом, но и возмущением масштабами грабежа, которому германские власти подвергли сельские районы. С осени 1942 г. продовольственные реквизиции немцев постоянно росли, а произвольные и абсолютно нереалистичные квоты, назначаемые Берлином, напоминали крестьянам о худших временах первой пятилетки; непоследовательные шаги по деколлективизации, предпринимае-

мые оккупантами, терялись на этом фоне. К экономическому грабежу добавился грабеж человеческих ресурсов: растущие потребности рейха в рабочей силе привели к массовой принудительной отправке трудоспособного населения в Германию (более 4,2 млн. человек в 1942 — 1944 гг., согласно немецкой статистике). Чтобы не быть угнанными, многие крестьяне уходили в партизаны. С осени 1942 г. аграрная политика Германии на оккупированных территориях оказалась в тупике. «Реформы» ослабили и даже уничтожили в некоторых районах структуры коллективного хозяйствования, но они не создали новой системы — целостной и способной удовлетворить крестьянство, не улучшили сельское хозяйство. Производство зерновых уменьшилось по сравнению с предыдущим годом уже в 1942 — 1943 гг. и наполовину упало в 1943 — 1944 г., тогда как немецкие реквизиции увеличились вдвое.

Провал этой политики, который можно было предвидеть уже летом 1942 г., на какое-то время (лето 1942 — начало 1944 г.) вдохновил сторонников «восточной политики» Розенберга, основанной на этническом раздроблении СССР. Несколько народов разной численности стали испытательным полигоном для идей Розенберга. Прибалтийские страны, где немецкая культура всегда была в почете, должны были быть приобщены к германской судьбе. Однако условия этого воссоединения не были благоприятны для национального развития прибалтов, считавшихся частично русифицированными и евреизированными (особенно литовцы). Это означало, что значительную часть населения Латвии и Литвы следовало переместить на восток и заменить немецкими колонистами. Прибалтийское население во время войны все же пользовалось привилегированным статусом, допускавшим существование национальных правительств, естественно, прогерманских, но поддерживаемых частью населения, видевшего в них хоть какую-то защиту от оккупантов. В начале 1944 г. местные власти добились от немцев, желавших найти в этих районах добровольцев для своей армии, уступок в культурной и национальной областях. Однако эти уступки, оставлявшие без ответа основной вопрос о политической автономии, не могли по большому счету удовлетворить чаяния прибалтийских народов, сильно привязанных к своей исторической традиции, а с другой стороны, понимавших, что они не смогут освободиться от советского господства, не опираясь на Германию.

На Кавказе немцев интересовали прежде всего нефтяные ресурсы, а не возможности колонизации. В долгосрочных планах нацистов этому региону была отведена роль промежуточного плацдарма для последующей экспансии в направлении нефтеносных районов Ирака и Ирана. Германия старалась избежать сопротивления со стороны кавказских народов и даже привлечь их на свою сторону, разработав с этой целью довольно либеральную политику, оставлявшую возможность местной инициативы. Последняя проявилась в связи с отходом Красной Армии в форме антисоветских восстаний трех горных мусульманских народов: карачаевцев, кабардинцев и балкарцев. Немецкая армия признала права местных комитетов, которые получили религиозную, политическую и экономическую автономию. Кавказский опыт укрепил в Берлине «мусульманский миф», используя который другой мусульманский народ — крымские татары — получил поддержку от немцев и смог создать в 1942 г. в Симферополе Центральный мусульманский комитет. Тем не менее немцы наотрез отказались от предоставления крымским татарам автономии, которой пользовались кавказские горцы, из страха перед возрождением пантюркистского движения, сломленного советской властью в начале 20-х гг. Это беспокойство было тем более обоснованным, что на деле основным результатом нацистской политики в Крыму было возрождение татарских национальных организаций.

По замыслу теоретиков «восточной политики», поддержанному украинскими эмигрантами и националистами, в национальном распаде СССР важнейшую роль могла сыграть Украина — при условии признания Германией украинских национальных чаяний. Однако, учитывая жизненную важность этого района для экономических интересов рейха и великогерманского колониального проекта, Гитлер не стал превращать Украину в опытную лабораторию для проверки идей Розенберга. В этом регионе, доброжелательно (во всяком случае, в его западной части) встретившем немецкие войска, оккупация, призванная создать условия для будущей германизации этой территории, населенной прежде всего славянами, приняла очень жесткие формы. Многочисленные потери понесла местная интеллигенция, заподозренная в пропа-

ганде национализма. Преследование евреев совершалось с такой жестокостью, что вызвало осуждение у населения, традиционно настроенного скорее антисемитски. Уже к 1942 г. немцы почти потеряли всякое доверие.